

С. И. СМИРНОВ

**Исследование В. О. Ключевского
«Древнерусские жития святых
как исторический источник»**

В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли.

Ключевский

Покойному Василию Осиповичу Ключевскому принадлежит почетное место среди историков русской церкви. Его магистерская диссертация и издания житийных текстов, ряд интересных и содержательных статей из доуниверситетского периода службы и несколько блестящих речей посвящены разработке и решению разных церковно-исторических вопросов, — всего до 16 работ. Наконец, в его «Курсе» там и здесь рассыпаны чрезвычайно глубокомысленные замечания о судьбах и роли церкви в истории России, тонкие наблюдения, облеченные в меткие, не забывающиеся выражения. И я сознаю, что на мне, ученике и ставленнике В. О., лежит обязанность собрать все это богатство и кратко формулировать его теперь. Но, к сожалению, пока я не успел этого сделать. Остановлю внимание ученого собрания лишь на главном труде В. О., имеющем самое близкое и непосредственное отношение к истории русской церкви — на его «Древнерусских житиях».

Русская апология — молодая наука. До половины прошлого века вышли два словаря о святых, краткие с пропусками и ошибками. В 1854 году академик Куник¹ жаловался на то, что гигантский сборник житий — Великие Макарьевские Четв-Минеи² — еще даже не описан, и это оттого, что у нас не умеют пользоваться житиями святых для истории и самое содержание истории ограничивают дикими военными тревогами, внешним шумом и блеском прошлого*.

---

* «Не могу не выразить своего удивления, — пишет Куник, — что у нас никто не думает издать, хотя бы по частям, подробного описания большой Макарьевской Четв-Минеи. Это равнодушие к такому гигантскому сборнику я могу объяснить себе только тем, что у нас еще не довольно умеют пользоваться

В 50-х годах (1855–1858) выходит труд Муравьева «Жития святых Российской церкви»³, в 60-х (1861–1865) — «Русские святые» Филарета Черниговского⁴. О последнем труде, несомненно, лучше для того времени, наиболее обстоятельном, дающем, по крайней мере, много материала, В. О. отозвался так: «Это краткие биографии, предназначенные для читателя, который не претендует на звание специалиста по русской истории»*. Обслуживая читателя, ищущего назидания, оба названные труда мало давали ученому. Апология русская могла бы создаваться по частям, так сказать, попутно историками русской церкви. Но последние занимались больше всего киевскими житиями и лишь некоторыми из северо-восточных. Остальная масса житий была не тронута и входила в церковно-исторические книги лишь в виде общего обзора распространения монастырей в Древней России и краткого очерка деятельности главных подвижников русской церкви**. Еще слабее изучены были жития со стороны литературной. «Шевырев⁵, в историко-литературных изысканиях вообще скукавший предварительной критикой источников», пустил в оборот «историко-литературный предрассудок», что простонародные жития — первичные редакции. Под влиянием такого предположения стали разрабатывать северно-русские жития в ложном направлении, усматривая в «первичных редакциях» «зарождение национальной литературы в северной Руси»***. И только, кажется, один Буслаев дал несколько прекрасных историко-литературных очерков о житийных

житиями святых для истории; или, может быть, в нашем историческом взгляде продолжают еще действовать прежние пошлые понятия об истории, ограничивающие ее содержание дикими военными тревогами и вообще внешним шумом и блеском прошлого. Кто же понимает, что дело истории, кроме того, — исследовать и изобразить, как думали, чему веровали и что испытывали в своей душе люди прежних столетий, тот оценит историческую важность сказаний о жизни святых, не говоря уже об их осязательном значении в литературном и других отношениях. Что касается именно византийской и русской истории, то полное уразумение их, конечно, невозможно без тщательного сравнения их между собою и с историей Западной Европы и Востока; а для этой цели необходимо, между прочим, отчетливое изучение жизнеописаний святых в византийской и славяно-русской литературах». Ученые Записки Импер. Акад. наук по I и III отделениям И. Ак. Н. II том, СПб. 1854 г., стр. 759.

* Новые исследования по истории др. — русских монастырей. «Прав. обозрение», 1869 г., ч. II, стр. 440.

** Н. А. Попов. Древнерусские жития святых как исторический источник (разбор книги Ключевского). «Прав. обозр.» 1872 г., ч. I, стр. 411.

*** Таково заглавие книги И. Некрасова, которую в основном ее положении вместе со взглядом Шевырева критически разобрал В. О. Ключевский. Др.-русские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 373–381.

сказаниях. Между тем вопрос о древнерусских житиях становился на очередь. Славянофилы упрекали Соловьева за слишком формальное отношение к источникам, за то, что для своей «Истории» он пользуется летописями, актами, архивными материалами и оставляет нетронутым целый отдел источников, наиболее ценных, по их мнению, для изображения внутреннего быта и народного мирозерцания — оставляет в стороне жития святых. Начали усиленно собирать рукописные жития (напр., Ундольский⁶), на что прежде собирателями мало обращалось внимания. Соловьеву и самому было очень интересно знать, что представляет для него этот новый источник. Поэтому, всего вероятнее, тему для магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник» дал Василию Осиповичу не кто иной, как Соловьев. В исторической науке того времени ставился вопрос, для разрешения которого необходимо было обследование древнерусских житий — вопрос о колонизации северо-востока Руси. Вопрос о колонизации Руси твердо поставлен был Соловьевым, однако в его «Истории», если только я не ошибаюсь, нет определенных заявлений о значении древнерусского монастыря в заселении нашего севера. Но ученик Соловьева Ешевский⁷, сначала преподававший русскую историю в Казанском университете, поставил вопрос о колонизации северо-востока Руси с решительностью и определил значение монастыря в этом деле. В 1857 году он прочел в Казани три публичные лекции «О русской колонизации северо-восточного края», которые были напечатаны уже после его смерти в 1866 году. «Значение монастырей в великом деле распространения русской народности и гражданственности должно быть оценено по заслугам», — пишет Ешевский и указывает на древние жития святых как на неразработанный источник для изучения вопроса о колонизации. «Если бы кто потрудился собрать из рукописных сборников житий и чудес русских угодников многочисленные рассеянные там указания на это влияние монастырей русских, на распространение первых начал гражданственности, тот оказал бы большую услугу русской истории, не говоря уже о том, что новое раскрытие этой стороны русского подвижничества необыкновенно важно для истории русской церкви. В житиях же русских святых можно найти и лучшие указания на первые трудности поселения среди чуждых племен, на борьбу с природой, на историю первых колонистов, на состояние страны в эпоху их поселений»*. В словах Ешевского слышится преувеличенный взгляд на достоин-

---

* С. В. Ешевский. Сочинения по русской истории. М., 1900, стран. 316–317.

ство житий как исторического источника. Но такой взгляд был тогда общераспространенным. Буслаев в Москве, Бычко⁸ в Петербурге, Щапов в Казани единогласно признавали жития самым важным источником для истории русских нравов и обычаев, истории быта и частной жизни. В житиях предполагали такие исторические факты, которых не находим в летописях. Изучение житий считали важным для истории земледелия, болезней, колонизации, семейного быта, воззрений на природу*.

В. О. взялся за древнерусские жития, чтобы найти в них данные для истории монастырской колонизации северо-восточного края Руси, частного момента в истории колонизации, которую покойный ученый признавал основным фактом нашей истории. Большая часть его материала лежала неописанной и ненапечатанной в рукописных библиотеках разных городов. Получив эту тему вскоре по окончании курса, вероятно, в 1866 году, и прозанимавшись в рукописных собраниях Москвы, В. О. следующим летом едет в Казань изучать рукописи Соловецкой библиотеки. Профессор П. В. Знаменский⁹, тогда начинающий ученый, вспоминает В. О. того времени. «Это был еще очень молодой человек, корректный, скромный, сдержанный, даже немного недоверчивый, с каким-то пытливо высматривающим взглядом»... Знаменский тогда временно заведовал рукописной Соловецкой библиотекой, помещавшейся в особой комнате. Видя опытность В. О., не нуждавшегося ни в каких указаниях, и аккуратность, он оставлял его одного в библиотеке, даже предоставлял в его распоряжение и ключ на все время его занятий. В Казани познакомился В. О. с канонистом Павловым, тогда уже перешедшим на университетскую службу, который стал его другом. По свидетельству П. В. Знаменского, В. О. жил в Казани не более дней 10, но занимался ежедневно с утра до 2–3 часов. Ближайшим результатом работ в Казани была одна из самых замечательных статей В. О. «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае»¹⁰. Пользуясь вакационным временем, он ездил для занятий житиями в Петербург, в Поречье; несколько раз и не один год приезжал он в Троицкую лавру, библиотека которой, как известно, особенно богата житиями, и в Московскую академию. Из частных библиотек для своего труда В. О. использовал рукописи графа Уварова¹¹, Буслаева, Тихонравова и, наконец, Е. В. Барсова¹². В библиотеке последнего В. О. нашел редкие или даже единственные

---

* Подробнее см. у Иконникова В. С. Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 2, Киев, 1908. стран. 1691–1692.

списки некоторых житий. Е. В. Барсов, назначенный помощником хранителя рукописей Московского публичного музея, перебрался из Петрозаводска в Москву в начале 1870 года; он привез с собою богатую рукописную библиотеку. В ней оказались списки таких житий, которых В. О., оканчивающий к тому времени свою работу, нигде не встречал. Он сильно обрадовался, просил у Барсова позволения заниматься у него на дому, но тот предоставил ему рукописи в полное распоряжение. Это и послужило началом тесной дружбы покойного историка с Е. В. Барсовым.

Много труда положено В. О. — чем при изучении древних житий. Книга писалась пять лет, среди занятий, отвлекавших от этого дела — разумею уроки и репетиторство в Александровском военном училище, — и она свидетельствует об изумительной работоспособности автора. Он рассмотрел критически, сопоставляя взаимно и с другими источниками, главным образом с летописями, до 160 житий слишком в 250 редакциях по спискам, число которых доходит, по всей вероятности, до 5000, писанных иногда Бог знает какими почерками. Работал В. О. с удовольствием, чему немало содействовал, как он говорил, некоторый романтизм, отголоски воспоминаний духовной школы, и этот романтизм превращал для него убийственную работу в спокойное занятие. Но работа отвлекала его от изучения других очередных вопросов науки; поднималось порою горькое чувство раскаяния в том, что взялся за очень трудное дело. Разочаровывали в нем и некоторые друзья. Шахов говорил постоянно В. О.-чу, что работа над житиями недостойна его таланта: ему надо бы заниматься прагматической разработкой истории, а он тратит время и силы на черное, «рудокopное» дело. В. О. отвечал обычно Шахову, что работа эта не так бесплодна, как может показаться стороннему наблюдателю. Но по временам исследователя житий подавляла масса рукописного материала, и он говорит в своей книге о тоскливом взгляде, которым приходилось смотреть мнительному библиографу на поздние списки житий, не отваживаясь на внимательный просмотр каждого. Когда В. О. пишет: «Кропотливый исследователь строго-научного направления, измучивший голову микроскопическими гипотезами, вправе позавидовать спокойствию» древнерусского агиобиографа*, — чувствуется эта усталость исследователя, обработавшего научно более полутора ста памятников... В. О. не раз говаривал, что к концу работы у него появилось чувство человека, который нырнул в глубину,

---

* Др.-русские жития святых, 389, 407; ср. 409 ad fin.

затаив дыхание, движется под водой и думает, хватит ли у него сил выдержать, и что, окончив книгу, он почувствовал себя воскресшим.

В 1871 году напечатана была книга. От последующих книг В. О-ча «Древнерусские жития» отличаются тем, что автор не скрывает здесь от читателя процесс своей работы, тот путь, которым он пришел к тому или иному выводу; ставит цитаты. Правда, он очень мало делает выписок из своего рукописного материала, и его книгу нельзя читать, не прочитывая тексты памятников, о которых он трактует. Можно видеть, что работа над источником, мало дающим историку, но потребовавшая от него огромного напряжения сил, развила в молодом ученом необычайную зоркость взгляда, видящего едва уловимые штрихи житийного повествования, — умение находить в источнике малейшие крохи исторически ценного: качества, которые остались с В. О. на всю жизнь. По книге о древнерусских житиях, сопоставляя ее с предшествующими и последующими трудами покойного историка, можно судить, что теперь вполне созрел и литературный талант Ключевского. Удивительная сжатость изложения, экономия на слова, меткость и художественность изображения, кованный стиль — все это уже есть в его «Житиях», особенно в превосходной заключительной главе. Результаты работы В. О. над житиями и выводы ее слишком известны, чтобы подробно останавливаться на тех и других. Проследив историю житийной письменности на Руси с XIII по XVIII столетие, указав массу новых списков и несколько совершенно неизвестных в науке житий, дав критический обзор каждого памятника, в заключительной главе своей книги В. О. представляет характеристику древнерусского жития со стороны его литературной формы и оценку его как исторического источника. Оказалось, что «литературной колыбелью жития была церковная песнь, а публикой общество, которому был чужд простой исторический интерес». Жития не дают нам биографий, даже изображений исторических лиц; они дают «образы без лиц», — тип угодника, святого человека; вместо исторической обстановки, в которой он жил и действовал, — литературный шаблон, общие места, создавшиеся под влиянием восточной агиографии.

Такие выводы молодого ученого были крайне отважны и смелы, радикально расходились с господствовавшими тогда взглядами на наши древние жития. И автору пришлось защищать грудью выводы своей работы, прежде всего, на диспуте.

13 января 1872 года в заседании факультета читался отзыв Соловьева о диссертации Ключевского; назначен был день диспута и официальные оппоненты. Диспут происходил 26-го января.

Мы имеем обстоятельное описание его, сделанное участником Е. В. Барсовым. На диспут в актовом зале университета собралась многочисленная и разнообразная публика. Кроме студентов и профессоров были здесь чиновники, офицеры, коммерсанты, даже старообрядцы, множество дам. В краткой речи своей диспутант старался оправдаться в возможном возражении со стороны своих строгих и доброжелательных судей — в том, что его труд представляет некоторое несоответствие между историко-литературной ценой, какую автор дает исследуемому материалу, и теми усилиями, какие положены на его изучение. Оправдание таких усилий В. О. видел в том, что в древнерусском обществе под пестротой внешнего деления скрывается удивительное внутреннее однообразие: в составе древнерусского общества встречаем типы, созданные преданием и привычкой, и почти не замечаем характеров, лиц. Жития же — памятники, обещающие нам представить древнерусское лицо с его индивидуальными чертами: монашество — та сфера, которая в Древней Руси несравненно более других обладала средствами для развития нравственной свободы лица. Любопытна, далее, обстановка, в которой действуют эти лица — лесная пустыня. И только жития дают историку возможность взглянуть на древнерусского человека в таком индивидуальном его уединении. Этот научный интерес оправдывает микроскопические утомительные изыскания. «Остается решить, насколько эти изыскания помогают историку воспользоваться житиями для указанной цели».

Выступало пять оппонентов: официальные — Соловьев и Н. Попов, неофициальные — Буслаев, Тихонравов и Е. В. Барсов. Они критиковали книгу со всех возможных сторон, — с исторической, литературной, библиографической. Принципиальные возражения против выводов В. О. были высказаны только Соловьевым и Поповым. Первый заметил, что то, что автор назвал общими местами агиобиографии, не имеющими значения исторических фактов, — не общие места только, но и бытовые черты; повторение их во всех житиях может указывать на простоту и вместе живое и, так сказать, эпическое направление жизни. Попов оспаривал правильность самого вывода, будто форма в житиях подавляет фактическое содержание, будто общие места — господствующий элемент в содержании житий, и из книги В. О-ча привел целый ряд отзывов о житиях, признанных им самим ценными для истории*.

---

* В «Прав. обозр.» 1872 г., I, Н. А. Попов поместил отзыв о «Древнерусских житиях», в котором изложены, вероятно, высказанные им на диспуте возражения.

В.О. отвечал на возражения очень метко и исчерпывающе, так что оппоненту не оставалось ничего для поддержки сделанных им возражений. Диспут был продолжительный, но очень интересный, прямо блестящий: публика отнеслась к нему с живейшим участием и вниманием от начала до конца.

Книга Ключевского была событием для русской церковно-исторической науки, весьма ценным в нее вкладом. Она давала обработку важного источника этой науки в то время, когда другие источники русской церковной истории еще не подвергались настоящей научной критике. Поэтому заслуживают внимания отзывы духовных журналов того времени о «Древнерусских житиях». Отзывы эти говорят, что книга «бесспорно займет видное место в нашей исторической литературе», что она «представляет только один из самых замечательных, какие только появились у нас, трудов, относящихся к истории религиозного просвещения древней Руси». Но «общая характеристика древнерусских житий и их писателей, представленная автором в заключительной главе, кажется» рецензентам «несколько преувеличенною и одностороннею, даже неумеренною». А некоторые миссионеры, соблазнившись защитой исторической ценности жития преп. Евфросина Псковского¹³ и указанием на то, что сугубая аллилуия встречается уже в рукописях XII века, обрушились на автора с известным полемическим азартом*.

---

* «Прав. обзор.» 1872 г., I, стран. 410 и 426, 422–423, прим. «Странник», 1874 г., III, стран. 123 и 133. Впрочем, подобные суждения есть и в светских журналах. «Беседа», 1872 г., марта, стран. 138. Г. Ключевский «слишком строг» к своим источникам, «чаще осуждает, нежели хвалит, и вообще высказывается в том смысле, что о богатстве житий как исторического материала составилось преувеличенное мнение». Без всяких оговорок приветствовал книгу «Вестник Европы», 1872 г., февраль, 3 стран, обложки. Целиком приводим краткий его отзыв. «Как западные монастыри, так и наши, в период Средних веков служили форпостами новой цивилизации; потому история этих монастырей, особенно на Западе, составляет важный отдел в общей истории, и жизнеописания их обитателей и подвижников служат превосходным источником для изучения нравов этой эпохи, бедной вообще на исторические памятники. Впрочем, наш автор, ввиду новизны дела, ограничился в своем труде одною первоначальною очисткою материала, и то только в отношении северо-восточных монастырей, не касаясь киевских. Но именно этим приемом он оказал большую услугу науке, облегчив последующих историков нашей древней цивилизации». Благоприятный отзыв о книге поместила еще «Русская старина», 1872 г., сентябрь, 2–3 стран. обложки. Заканчивается отзыв так. «В заключение отметим следующий курьез. По сообщениям московских газет, некто о. Пафнутий, недавно перешедший из раскола, в припадке ревности не по разуму, публично обозвал,

Книги имеют свою судьбу. «Древнерусские жития святых» имеют совсем другую судьбу, чем «Боярская дума» или «Курс русской истории». Книгу в 3000 экземпляров издал Солдатенков¹⁴, — у автора не было средств на издание. Издатель дал В. О-чу очень не много экземпляров и продавал книгу, пока не выручил затраченных денег; когда же их выручил, остальные экземпляры были переданы автору. Сначала книга пошла довольно бойко, потому что публика ожидала в ней встретить рассказы о святых, но потом значительно тише. Заведовал этим изданием Кетчер¹⁵ (как и всеми изданиями Солдатенкова): он медленно распространял «Древнерусские жития», когда же В. О. выкупил издание, оно начало распространяться быстрее. Но нужда во втором ее издании почувствовалась только в последние годы. В одной рецензии, писанной через три года после выхода «Житий», встречаем указание на удивительное равнодушие общества, не оценившего труд В. О. * Этому может быть две причины: книга слишком специальна и недоступна рядовому читателю, и В. О. в то время еще не был для большой публики звездой первой величины, какой он сделался в университете.

Высказано мнение, что книга В. О. о житиях сыграла особую роль в деле изучения этого отдела письменности: жития стали пользоваться меньшим вниманием, научная разработка содержащегося в них материала чрезвычайно ослабела. От книги получалось впечатление, что научная разработка предмета ею закончена, и дальнейшие изыскания представлялись ненужными. С другой стороны, древнерусские жития были дискредитированы автором в смысле исторического источника не только для вопроса о колонизации, но и для других вопросов по истории древнерусской жизни. Однако это мнение не вполне правильно. Едва ли я преувеличу, если скажу, что книгой В. О. создана была у нас новая наука — агиология. Интерес к житиям возрастает. Началось собирание списков житий (Барсуков¹⁶, «Источники русской агиографии»), усиливается издание их, появляются частичные исследования

с высоты кремлевского соборного крыльца, г. Ключевского — еретиком, а его книгу — еретической». На эту выходку, сочувственно описанную в Московских епархиальных ведомостях (1872 г., № 11 ст. 12 марта), В. О. ответил письмом в редакцию «Современных известий» (1872 г., № 75) под заглавием: «Аллилуйя и о. Пафнутий».

* «Странник», 1874 г., III, стран. 123. «К сожалению, труд этот до сих пор еще не оценен как следует и не оценен главным образом потому, что наше общество слишком равнодушно отнеслось к нему, даже больше — оно, вероятно, почти и не знает о нем».

житий по местностям: северно-русских (Яхонтов¹⁷), вологодских (Верюжский, Коноплев¹⁸), псковских (Серебрянский¹⁹); по агиобиографам, — о Пахомии Сербине (Некрасов, Яблоновский²⁰)*. Разрабатывается вопрос о канонизации русских святых (Васильев, Голубинский²¹). Изучаются древне-русские жития, как литературный памятник в легендарной стороне своей в сопоставлении с греческими житийными сказаниями (Каблудовский²²). И все эти труды в большей или меньшей мере опираются на выводы и наблюдения В. О. или, по крайней мере, считаются с ними. Наши крупные исследователи — Голубинский, архиепископ Сергей²³, пользуются книгой В. О. как самым надежным пособием, а порою и как источником. Но до сих пор не появилось работы, которая заменила бы «Древнерусские жития святых», и они являются, бесспорно, и теперь еще главным трудом по русской агиологии.

Разработка сырого материала в течение 40 лет со времени выхода этого труда, конечно, двинула вперед науку агиологии. По-новому решаются теперь некоторые вопросы, поднятые или решенные в книге В. О., иную оценку в ту или другую сторону получили несколько разобранных им памятников. Но история литературной формы жития, установленная В. О., его оценка житий как исторического источника в общем остаются непоколебленными. Открыто несколько новых житий или новых редакций, неизвестных В. О., но тех и других немного**.

---

* Сверх того о Печерском патерике, который не рассматривался в книге Василия Осиповича, появились работы Яковлева, Шахматова, Абрамовича²⁴.

** Житие Александра Невского — особая редакция под заглавием «Слово о погибели Русской земли» (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXXXIV; Псковская Старина. 1910. Вып. 1); Акакия Тверского (Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. стран. 16. Ниже ссылок на этот труд мы не делаем); кн. Андрея Боголюбского; Антония Леохновского (издается И. А. Бычковым); Аркадия Новоторжского (сказание о мощах); Арсения юрод. Новгородского; Василия Мангазейского (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXXIX); Василия юрод. Московского — народная редакция (изд. прот. И. И. Кузнецовым. «Св. блаж. Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы». М., 1910, стран. 79–93); Василия Рязанского, сочин. Ермолая, протоиерея ц. Спаса на Бору (изд. проф. И. Д. Шляпкиным, «Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели» (СПб., 1911), стран. 547, 563–65); Довмонта Псковского (изд. проф. Н. К. Никольским, «Материалы для истории древне-русской духовной письменности». (Сборник Академии наук. 85. СПб., 1907, стран. 116–117); Евфимия Архангелогородского (сказание о обретении мощей); Евфросина Синеозерского (изд. Адриановым «Летопись занятий археографической комиссии» (СПб., 1900. Вып. XIII. С. 1–32);

Заявление о том, что В. О. дискредитировал житие как исторический источник, будет еще менее правильно, если мы проследим дальнейшее отношение покойного историка к этому источнику. Во II части его «Курса» есть краткая характеристика древнерусского жития (стран. 319–323), где В. О., мне кажется, несколько сглаживает решительность своих выводов в книге. Он замечает, что жизнеописатель изображает действительную жизнь, но только с известным подбором материала в потребных типических, можно было бы сказать, стереотипных ее проявлениях. Это значит, В. О. признал силу возражения Соловьева, которое повторялось потом в литературе. Далее, В. О. пишет, что у жизнеописателя, ученика святого «сквозь строгие условности житийного изложения проглядывают обаятельные черты живой личности». Следовательно, он ограничил свой тезис, что наши жития дают «образы без лиц».

Помню, в последний разговор наш я указал В. О-чу, что для своего «Курса» он немало взял материала из житий, и он с живостью

Иакова Ростовского еп.; Иоанна мученика Казанского; Иоанна Власатаго, юрод. Ростовского; Иоакима патр. Московского (изд. Н. П. Барсуковым, Памятники древней письменности и искусства. Вып. XLVII); Корнилия и Авраамия Палеостровских; Лазаря Мурманского; Литовских мучеников сербское житие (изд. проф. М. Н. Сперанским); Логгина Коряжемского (Отчет Императорской публичной библиотеки за 1876 г. (СПб., 1877), стран. 54, Отчет Императорской публичной библиотеки за 1880 г. (СПб., 1881), стран. 10); Мартирия Зеленецкого (первонач. редакция изд. И. А. Бычковым, «Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Императорской публичной библиотеке». СПб., 1897, стран. 342); Никандра Псковского (первонач. редакция, изданная Н. И. Серебрянским, «Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле» (М., 1908).); Петраиерея Черевковского; Питирима еп. Пермского (изд. проф. И. А. Шляпкиным, «Журн. мин. нар. проsv.» 1894 г., № 3, стран. 135–145); Савы Крыпецкого (проложная редакция, изд. Н. И. Серебрянским); Серапиона Псковского (Серебрянский Н. И. Очерки по истории псковского монашества // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российской при Московском университете. 1908. Кн. 3 (226); Сергия Радонежского новые редакции (Яблонский В. Пахомий серб и его агиографические писания. СПб., 1908, 9 стран.); Софии-Соломоницы вел. княгини; Стефана Комельского (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXXXV); Феодора еп. Ростовского; Сказание о чудесах Костромской Феодоровской иконы Богоматери (издано И. В. Баженовым, «Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом» (СПб., 1909. Вып. XIX.). Без сомнения, некоторые из указанных житий В. О. знал, но опустил сознательно (см. Приложение II ad fin.). Мы опустили в своем перечне жития, известные от XVIII и XIX вв., обследование которых и не входило в задачи автора «Древнерусских житий».

ответил: «Как же, ведь в житиях жизнь, которой вы не найдете в актах». И действительно, в «Курсе русской истории» есть немало данных, взятых из житийного материала: религиозная борьба при колонизации верхнего Поволжья в XI и XII столетиях по ростовским житиям, переливы населения в Московской области по житию преп. Сергия. Две лекции о монастырских вотчинах (XXIV–XXV), в которых дается и характеристика русского монашества, и история монастырской колонизации, есть результат превосходного изучения покойным историком северно-русских житий. Приход Андрея Боголюбского с юг с иконой Богоматери — по чудесам этой иконы. Возвышение Москвы — по житиям митр. Петра и предание о милостивом князе Московском Иване Калите, — из Волоколамского патерика и жития Пафнутия Боровского. Обеднение удельных князей — по житию Иоасафа Каменского. Характеристика царя Феодора, этого «блаженного на престоле», соткана из данных житий древнерусских юродивых*. Все это, конечно, дает право думать, что В. О. не только не дискредитировал жития святых, но он их первый научно и по достоинству оценил, в высшей степени умело ими воспользовался для гражданской истории. В большую заслугу В. О. надо поставить опровержение Шевыревской теории первичных редакций жития, выросшей потом в представление, будто в этих редакциях зарождалась национальная русская литература на севере. Направленное по ложному пути исследование древнерусских житий долго бы оставалось ненаучным. Излишнее увлечение малоценным источником было бы гораздо вреднее для научной его разработки, чем даже слишком строгое критическое отношение к нему.

Поступление В. О. в нашу академию, как известно, связано с его работой над житиями. Он ездил заниматься в Троицкую лавру и в академию. Библиотекарем последней состоял тогда А. Ф. Лавров (канонист, впоследствии Алексий, архиеп. Литовский)²⁵. Он был положительно очарован молодым ученым, и именно Лаврову, его настойчивым представлениям наша академия была обязана великим счастьем получить В. О. профессором русской гражданской истории. Критическое направление работы его, смелость и отвага выводов не испугали академических церковных историков,

---

* К этому надо прибавить ссылки: на чудеса Николая Чудотворца (Курс русской истории. Ч. I. 2-е изд. М., 1906, 336 стран.), на житие Михаила Клопского и Герасима Болдинского (Курс русской истории. Ч. II. М., 1906, стран. 126–127, 403); также в «Боярской думе», Каменского и Зосимы Соловецкого (3-е изд. М., 1902. стран., 87, 200).

оно не понравилось только некоторым людям старого поколения. В. О. рассказывал, зашел он раз к П. С. Казанскому²⁶, который и сам занимался житиями, и ему В. О. незадолго пред тем поднес свою книгу. И вот старый академический профессор берет «Древнерусские жития», начинает перелистывать книгу и похваливать то тот, то другой отдел: «Хорошо это; ах, как хорошо!» Но дойдя до последней главы, он вдруг переменяет тон и замечает: «А вот эту главу я бы оторвал да бросил в печку!» «А между тем последняя-то глава и была особенно близка моему сердцу», — заметил В. О. Но представители более молодого поколения приветствовали «Древнерусские жития» без всяких оговорок. Е. Е. Голубинский всецело присоединился к выводам В. О. относительно достоинства житий как исторического источника и высказал это не обинуясь в предисловии к своей «Истории»*. Книга о древнерусских житиях соответствовала как раз тому критическому направлению в церковной истории, которое было создано А. В. Горским и которое составляет бесспорную заслугу Московской духовной академии. Это взаимное сродство научной методологии и сделало В. О. в академии своим человеком не в меньшей степени, чем его духовное происхождение и семинарское образование. И надо пожелать, чтобы В. О. Ключевский как ученый не переставал быть своим для академии, навсегда оставался бы, — далее я пользуюсь выражением самого В. О.-ча, — чтобы он оставался для академии «не только ее великим покойником, но и ее спутником, даже путеводителем».

* Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. Первая половина тома. М., 1880. С. XII–XIII.